

— Как же здорово, — прошептал Лу Цзяньнянь, сидя на деревянной скамейке у кабинета заведующей. Он опустил взгляд на свои ноги, которые не доставали до пола, и изо всех сил старался держать их вместе, чтобы они не болтались. — Не прошло и пары часов после перерождения в детство, как я уже сделал то, что не удавалось на протяжении десяти с лишним лет до этого.

В тот момент, когда в поле зрения показалась безупречно уложенная каштановая прическа Мама Лу, Лу Цзяньнянь осознал, что такое настоящее отчаяние. Ну почему вызвали именно маму, а не папу?

В семье Лу существовала странная традиция: Папа Лу всегда был суров, как зимняя стужа, к старшей дочери, но по-весеннему нежен к старшему сыну; Мама Лу, напротив, к дочери относилась мягче, чем к сыновьям.

Кстати говоря, младший в семье, Лу Цзяньцзянь, не пользовался особой любовью ни отца, ни матери — к нему оба родителя были одинаково «жестоки».

Лу Цзяньцзянь: Почему я всегда страдаю? Скажите мне!

Мама Лу не успела даже толком поговорить с сыном о том, что произошло, как её и родителей двух других детей пригласили в кабинет. Внутри стоял стол, оформленный в детском стиле, и семь широких европейских кресел. Родители сели напротив заведующей — и неважно, какое положение они занимали в обществе, сейчас они были просто папами, мамами, дедушками или бабушками своих детей.

Заведующая, пожилая и интеллигентная дама, сразу перешла к делу. Она развернула экран ноутбука и предложила родителям посмотреть запись с камер наблюдения, запечатлевшую драку на краю площадки.

Да, всех присутствующих вызвали по одной причине: их дети подрались.

Детский сад был напичкан камерами, чтобы обеспечить безопасность детей от учителей, персонала или других воспитанников. На видео была видна большая группа детей, но вызвали только три семьи, потому что в потасовке участвовали лишь двое. Они стояли по разные стороны от синей горки в форме слона, глядя друг на друга с непримиримой яростью. Третий ребенок, Лу Цзяньнянь, стоял на металлическом скате горки, и его лицо почти целиком скрывали кудрявые пряди волос, виден был лишь изящный подбородок.

Слева от хобота слона стоял Толстячок Лоу, местный задира. Сейчас он сидел рядом со своими дедушкой и бабушкой, держа в руках коробочку с молочным пудингом, которую принесла бабушка, и пытался накормить Лу Цзяньняня.

Лу Цзяньнянь упрямо сжал губы, не желая сдаваться.

Хм, раньше Лу Цзяньнянь ошибался: на самом деле они с Толстячком Лоу были хорошими друзьями, никто никого не обижал — просто один ввязался в историю, а другой попал под раздачу.

Справа от хобота стояла хрупкая девочка в красивых кофейных брючках на подтяжках и с бантом в тон — вылитая домашняя кошечка. Сейчас она сидела рядом с папой, всё в тех же брючках, но уже без банта.

Внешне эти дети совсем не походили на забияк, но на самом деле их силы были равны. В этом не было ничего удивительного: пока дети не прошли через пубертат, девочки в школе часто доминируют. Вот если бы Толстячок Лоу смог одолеть её, это было бы странно.

Лу Цзяньнянь выглядел еще более странно: он стоял в самом эпицентре бури, но при этом ни разу не ударил и не получил удара. Такой крошечный, мягкий, он просто стоял на ровной части площадки и витал в облаках.

Конечно, эта драка, длившаяся не более трех минут, была быстро пресечена подросшими воспитателями. Рядом с горкой было мягкое покрытие, так что даже катаясь по земле, дети не получили ни царапины. Главной потерей стал бант девочки, который она даже не заметила, когда увлеклась потасовкой.

Внутренняя оценка Лу Цзяньняня: Драка цыплят.

Дети в этом возрасте, когда дерутся, кажутся скорее милыми. Как котята или щенки, которые пытаются кусаться, но не могут вырвать друг у друга ни шерстинки.

Первой реакцией родителей после просмотра видео было сдержанное желание рассмеяться, а не гнев.

Девочка, напротив, рассердилась. Скрестив руки на груди, она серьезно заявила отцу:

— Это не смешно!

— Хорошо, — ответил папа в строгом костюме, глядя на дочь с обожанием, и постарался сохранить невозмутимое лицо. — Тогда расскажи папе, почему ты подралась с мальчиком, который младше тебя.

Заведующая уже представила детей: девочка училась в одном классе с Лу Цзяньнянем и была на год старше Толстячка Лоу.

— Я считаю, что кошки милее, а Лоу Дэнсянь считает, что собаки!

Первое столкновение идеологий в детсадовской версии, — добавил про себя Лу Цзяньнянь.

— И только из-за этого? — родители и дедушка с бабушкой Лоу выглядели растерянными.

— Да! — хором ответили дети, выглядя при этом максимально серьезно. Они снова начали спорить, как маленькие: один кричал, что первым сказал про кошек, другой отвечал, что это не считается, и так до бесконечности.

— Стоп! — Лу Цзяньнянь вынужден был поднять руку, словно дирижер, или просто взмахнуть пухлыми ручками в воздухе, чтобы прекратить эту утомительную перепалку.

В итоге родители, не зная, плакать или смеяться, решили, что дети должны помириться. В этом и заключалась цель заведующей: показать, что ничего страшного не произошло, никто не пострадал, и родителям не стоит накручивать себя или ругать детей, а лучше научить их принимать различия. Кто милее — кошки или собаки — не стоит того, чтобы устраивать драку.

Мама Лу, одетая в строгий деловой костюм, всё это время хранила молчание. В конце концов она недоуменно прошептала сыну:

— Зачем меня вообще вызвали? Одна сражается за кошек, другой — за собак. А ты, Яньнянь?

Лу Цзяньнянь поднял голову на маму:

— Я отвечал за то, чтобы смеяться. OvO

Если присмотреться к видео, так оно и было: пока другие дети засучивали рукава, Лу Цзяньнянь сидел с легкой улыбкой, и на его лице было крупными буквами написано: «Зритель».

Мама Лу: «...»

Один Исполнитель задания, готовившийся «подстроить случайную встречу», долго ждал на пути из детского сада в дом семьи Лу. Он уже почти отчаялся, но машина, номер которой он выучил наизусть, так и не появилась.

Исполнитель: Где Лу Цзяньнянь?

Система: Его вызвали к заведующей.

Исполнитель: ...Что? Я уже настроился, а ты мне это говоришь?!

Причина, по которой Лу Цзяньняня вызвали к заведующей, конечно, заключалась не только в том, что он ел закуску и наблюдал за дракой, но Лу Цзяньнянь не знал, в чем именно дело. Он покинул кабинет вместе с остальными родителями. Пока взрослые уводили детей, Лу Цзяньнянь допивал сок на скамейке в сопровождении ассистента. Толстячок Лоу перед уходом решил утешить его:

— Не бойся, всё будет хорошо. — У маленького толстяка был богатый опыт борьбы с родителями. Он показал Лу Цзяньняню жест «сражайся» и добавил: — В критический момент просто плачь, понял? Ревь изо всех сил! Они обязательно тебя пожалеют!

Лу Цзяньнянь смиренно принял совет, решив временно отбросить всю важность взрослого человека, потому что мамы в этом возрасте действительно пугают!

За огромным прозрачным стеклом Мама Лу продолжала пересматривать запись, и её лицо становилось всё суровее. Даже её завитые локоны у висков, призванные создать стильный образ, теперь казались угрожающими. Конечно, это был фильтр сына, в реальности всё было не так плохо. Но Лу Цзяньнянь чувствовал: дело пахнет керосином. Когда Мама Лу вышла из

кабинета, каждый стук её каблучков по полу отдавался в сердце Лу Цзяньняня, заставляя его судорожно сглатывать.

Мама Лу старалась выглядеть невозмутимой, выдавила из себя неестественную улыбку и непривычно нежным голосом произнесла:

— Пойдем домой, Яньян.

Лу Цзяньнянь, конечно, испугался! Скорее бы всё закончилось! Он ненавидел пытки медленным ножом!

Увы, если уж деловая леди Мама Лу что-то решила, она будет придерживаться этого до конца: мягкая, тихая, спокойная — она перепугала всю семью так, что никто не смог нормально поужинать.

Точнее, все, кроме младшего брата, который всё ещё пил молоко.

Вечером, когда Лу Цзяньнянь отказался от помощи родителей, желая самостоятельно сделать поделку для детского сада, беспокойство мамы достигло пика. Она начала ходить кругами перед его комнатой, отобрала работу у дворецкого и под предлогом принести фрукты, закуски или напитки заходила несколько раз. Она говорила обо всём на свете, но как бы Лу Цзяньнянь ни пытался выведать, почему вызвали родителей, она лишь уклончиво отвечала, что всё в порядке.

В конце концов, Папа Лу, не выдержав, обнял жену за плечи и увел её.

Лу Цзяньнянь не расслабился, а начал про себя считать до трех. И верно: Папа Лу вернулся один. Одной рукой он держался за дверную ручку, другой опирался на косяк. Этот мужчина в очках в золотой оправе и накрахмаленной рубашке выглядел как типичный интеллеktуал, но оказался еще большим занудой, чем мама.

— Я сегодня отлично провел день, в садике всё хорошо, друзья хорошие, учителя тоже, я послушно ел и пил сок. И, папа, я тоже тебя люблю, спокойной ночи.

Не дожидаясь вопросов, Лу Цзяньнянь выпалил заготовленный ответ.

Но даже это не остановило Папу Лу:

— Соседи, кажется, собираются вернуться, так что в последнее время будет много чужих людей. Будь осторожен.

— Хорошо, — вздохнул Лу Цзяньнянь. Он не считал, что эти люди представляют опасность.

Их район — старый элитный поселок, известный на всю страну. Теннисные корты, бассейны, огромные частные сады — всё это было стандартом. Дома стояли далеко друг от друга, и теоретически никто никому не мешал.

Папа Лу не сдавался:

— Говорят, у соседей есть мальчик твоего возраста. Я попробую связаться с ними, устроим встречу, может, подружитесь.

Лу Цзяньян промолчал. Он не помнил, кто жил по соседству, и, кажется, дружить с этим мальчиком ему было не суждено.

На следующее утро Лу Цзяньян сам оделся и сел за стол, ожидая остальных. Дети обычно ненавидят есть, но Лу Цзяньян решил воспользоваться возрастом, когда можно есть сколько угодно, не боясь испортить фигуру.

Такое поведение Мама Лу восприняла как проявление строгой самодисциплины, и это её пугало. Она смотрела на него с тревогой, но не решалась подойти, словно он был хрупким фарфором.

Лу Цзяньян не знал, как вернуть маму в нормальное состояние, поэтому решил сбежать в садик. Поцеловав родителей и сестру, он отправился в путь, даже не взглянув на младшего брата, который сосал бутылочку на руках у мамы. С братом у него были неловкие отношения, даже несмотря на то, что тот был младенцем с «заводскими настройками». Прошное вспоминать не хотелось, особенно то, что случилось совсем недавно.

Этот день в садике ничем не отличался от других, разве что Лоу Дэнянь снова стал блестящим маленьким лысыком — не просто постриженным, а выбритым под ноль, как монах. Когда он вышел из машины, почти все родители и дети уставились на него.

Лоу Дэнянь, видимо, почувствовал неловкость, залез обратно в машину и появился лишь через некоторое время, уже в темно-зеленом берете в полоску.

Лу Цзяньян: «...Зеленый? Повзрослев, он точно об этом пожалеет!»

Лу Цзяньян попросил водителя сделать снимок друга. Телефоны тогда были не умными, но сфотографировать могли.

Толстячок Лоу шел нехотя, почти волоча ноги.

— Яньян... — он перехватил Лу Цзяньяня, вцепившись в кардиган.

Лу Цзяньян отвел его к качелям у входа:

— Что случилось?

— Мой папа вернулся... — Толстячок Лоу сказал всего одну фразу, и слезы хлынули градом.

Папа Лоу не был в городе сто лет, и первое, что он услышал по возвращении — что сына вызвали к заведующей. Можно представить его гнев. Он не стал слушать объяснения бабушки и дедушки и обрил сына. А потом добавил: — Еще раз такое повторится, и...

— И он отобрал все мои радости, — всхлипнул мальчик.

Лу Цзяньяннь понял, что последнее было для него самым важным. Он не сдержал смеха. Контраст между этим маленьким плачущим мальчиком и тем, каким он станет в будущем, был слишком велик.

Толстячок Лоу, увидев, что друг смеется, заплакал еще сильнее.

Лу Цзяньяннь извинялся, но ничего не помогало, пока он не спросил:

— Не хочешь больше со мной дружить?

Толстячок Лоу испугался:

— Нет, нет, я хочу дружить с Яньнянем! — он прижался к нему. Дети всегда такие: даже если они в ярости, всё равно тянутся к тем, кого любят.

Лу Цзяньяннь почувствовал вину. Не успел он ничего ответить, как Толстячок Лоу перестал плакать, посмотрел на вход в садик и сказал:

— Яньнянь, кажется, я видел ледяного принца.

В сказке Андерсена «Снежная королева» был мальчик, которому в сердце попал осколок зеркала. Лоу Дэньсянь любил эту сказку, но вечно забывал имя Кая, называя его ледяным принцем.

Лу Цзяньяннь обернулся и увидел мальчика, стоявшего у входа с учителем. Белые волосы, белые глаза, кожа почти прозрачная. Он был одет в светло-серый плащ, шарф закрывал половину лица. В тот момент, когда он посмотрел на Лу Цзяньяння, казалось, что сказочный принц ожил.

Мальчик не отводил взгляда, смотрел пристально, сфокусированно и упрямо.

— Катаракта? — слышался шепот вокруг.

Дети могли так сказать по незнанию, но взрослые... Катаракта не делает весь глаз белым. У мальчика же глаза были серебристо-дымчатыми, четко отделенными от белков.

Лу Цзяньяннь, не найдя лучшего определения, подумал:

— Бьякуган из клана Хьюга в реальности.

— Бьякуган? — Толстячок Лоу выглядел озадаченным.

— Огонь...

<http://bllate.org/book/21642/2233346>